

зрение в жульничестве. Вскоре он понял, что жизнь станет намного проще, если он намеренно ответит неправильно на пару вопросов на экзаменах. Не то чтобы Хью очень уж переживал из-за несправедливых обвинений: он знал, что не жульничает, и плевать, что об этом думают другие, — но было неприятно стоять навтыяжку перед преподавателями и быстро отвечать на вопросы из разных областей знаний до тех пор, пока ученые мужи не убедятся в его честности.

Где его память действительно пригодилась, так это в картах. Как младший сын маркиза Рамсгейта, Хью знал, что ровным счетом ничего не унаследует. Младшие сыновья в аристократических семьях, как правило, поступали в армию, становились священнослужителями или охотились за невестами с большим приданым. Хью не желал заниматься ничем подобным и поэтому стал искать другие источники дохода. Как выяснилось, играть в карты было легко, особенно если ты обладаешь феноменальной памятью.

Проблема заключалась в том, что джентльмены в конце концов стали опасаться садиться с Хью за игровой стол, поскольку его мастерство в пикете обросло легендами. Правда, молодые люди, особенно подшофе, все еще рисковали играть с ним, испытывая судьбу. Каждый мечтал прославиться, обыграв Хью Прентиса в карты.

В этот вечер Хью малость перебрал со спиртным. Это не было для него обычным явлением, он никогда не чувствовал себя комфортно, если терял контроль над ситуацией по вине алкоголя, но сегодня гулял с друзьями, и они зашли в одно злчное место, где пинты, казалось, были больше обычного, толпа — веселее, а женщины — привлекательнее.

К тому времени, когда они добрались до своего клуба и сели за стол с колодой карт, Дэниел Смайт-Смит, недавно получивший титул графа Уинстеда,

пребывая в полной эйфории, живо описывал служанку, с которой только что переспал. Чарлз Данвуди клялся вернуться в пивную, чтобы улучшить достижение Дэниела в искусстве соблазнения, и даже Маркус Холройд — молодой граф Чаттерис, который всегда был серьезнее остальных, — так хохотал, что чуть не свалился со стула.

Хью предпочитал свою служанку — не такую грудастую и более стройную, чем избранница Дэниела, — но когда друзья попросили его рассказать о подробностях свидания, только ухмыльнулся. Конечно, он помнил каждый дюйм ее тела, но не привык делиться победами на любовном фронте.

— На этот раз я обыграю тебя, Прентис! — заявил Дэниел, навалившись на стол.

Дэниел был самым привлекательным среди друзей Хью, а его ослепительная улыбка буквально притягивала дам.

— Ради всего святого, Дэниел, — простонал Маркус, — не начинай!

— Нет, я сделаю его! — Дэниел потряс пальцем в воздухе и засмеялся, когда чуть не потерял равновесие от этого движения. — На этот раз у меня все получится! Вот увидите!

— Он сможет! — воскликнул Чарлз Данвуди. — Я в этом уверен!

Никто не отреагировал на его слова: даже трезвый, Чарлз частенько городил полную чушь.

— Да, я смогу, — не унимался Дэниел, опять погрозив пальцем в сторону Хью, — потому что ты много выпил.

— Не больше, чем ты сам, — заметил Маркус, икнув.

— А вот и нет: я считал кружки! — торжествующе заявил Дэниел. — Хью выпил больше.

— А я больше всех, — похвастался Данвуди.

— Тогда тебе определенно стоит сыграть, — предложил Дэниел.

Была объявлена игра, им подали вино. Все шло отлично, пока... пока Дэниел не выиграл. Хью растерянно заморгал, уставившись на карты, разбросанные на столе.

— Я выиграл, как и обещал! — воскликнул Уинстед, словно не верил собственным глазам. — Вы только посмотрите!

Хью мысленно восстановил ход игры, хотя в голове стоял туман, а карты расплывались перед глазами.

— Я его сделал! — повторил Дэниел, на этот раз обращаясь к Маркусу, своему давнему близкому другу.

— Нет, — пробормотал Хью скорее себе, чем окружающим.

Это просто невозможно: он никогда не проигрывал. Ночью, пытаясь заснуть, он думал об игре, и в голове всплывали все карты, которые он разыграл за день, даже за неделю. Он помнил каждый ход — свой и соперников.

— Я сам не знаю, как это случилось, — признался Дэниел. — У меня на руках был король, а потом семерка, и я...

— У тебя был туз! — отрезал Хью, не в силах больше слушать этот бред.

— Хм... — удивленно пробормотал Дэниел. — Может, и так.

— О господи! — воскликнул Хью. — Кто-нибудь, заткните его!

Только в полной тишине он мог сосредоточиться и вспомнить карты. Как только это произойдет, все наладится. Это напоминало то время, когда Хью вместе с Фредди возвращался поздно вечером домой, и отец уже ждал их с...

О нет! Лучше об этом забыть... Речь сейчас совсем о другом. Все дело в картах. Хью никогда не проигры-

вал. Это было единственным, что оставалось в жизни неизменным и на что он мог полагаться.

Данвуди, почесав затылок, взглянул на карты:

— Я думаю, он...

— Уинстед, ты чертов шулер! — завопил вдруг Хью, причем не раздумывая.

Он не знал, что побудило его произнести это обвинение, но, вырвавшись наружу, оно злобно зажужжало над столом.

Дрожь охватила Хью.

— Нет, — возразил Дэниел с растерянным выражением лица. — Я не жульничал.

Он был явно сбит с толку и не пытался оправдываться.

Хью в ярости вскочил на ноги, перевернув стол, и ни о чем не мог думать, цепляясь за единственное, что, как он знал, было правдой, а именно: он никогда не проигрывал в карты.

— Я не жульничал, — повторил Дэниел, быстро моргая, и повернулся к Маркусу: — Я никогда не жульничаю.

Но этого не могло быть! Без шулерства здесь не обошлось. Хью снова мысленно перебрал карты, игнорируя тот факт, что валет треф в его воспаленном мозгу гнался за десяткой, которая пила вино из бокала, очень похожего на тот, что превратился в осколки и валялся у его ног...

Хью, больше не владея собой, принялся кричать, что Дэниел сжульничал, что дама червей споткнулась, что сорок два умножить на триста шесть равняется двенадцати тысячам восьмистам пятидесяти двум. Весь пол был залит вином, повсюду валялись карты, а Дэниел, качая головой, с недоумением спрашивал у друзей:

— О чем это он?

— У тебя никак не могло быть туза! — прошипел Хью. — Туз лежал после валета, который был рядом с десяткой...

— Но я же выиграл! — пробормотал Дэниел, пожимая плечами.

— Это невозможно! — стоял на своем Хью и, споткнувшись, едва сохранил равновесие. — Я помню каждую карту в колоде.

Дэниел опустил взгляд на карты. Хью тоже посмотрел на даму бубны. С ее шеи, как кровь, капала мадера.

— Замечательно, — пробормотал Дэниел и посмотрел на Хью в упор. — И все же я выиграл. Представляешь?

Он что, издевается? Неужели Дэниел Смайт-Смит, трепетный граф Уинстед, позволил себе насмеяться над самым сыном маркиза Рамсгейта?

— Я требую сатисфакции! — прорычал Хью.

Дэниел удивленно вскинул голову:

— Что?!

— Назови своих секундантов.

— Ты вызываешь меня на дуэль? — Дэниел повернулся к Маркусу. — Мне послышалось или он действительно вызывает меня на дуэль?

— Дэниел, заткнись! — простонал Маркус, похоже, сразу протрезвев.

Но Уинстед, отмахнувшись от него, воскликнул:

— Не будь ослом, Прентис!

Хью, не раздумывая, бросился на него. Дэниел попытался отскочить в сторону, но не успел, и молодые люди рухнули на пол, вцепившись друг в друга. Ножка стола врезалась Хью в бедро, но он в пылу борьбы не почувствовал боли. Он колотил противника в припадке ярости до тех пор, пока друзья его не оттащили, но по меньшей мере четыре хороших удара он успел нанести.

— Ты чертов шулер! — крикнул Хью и хотел было снова ринуться в бой, но друзья удержали.

Он не сомневался, что Уинстед жульничал за карточным столом, да еще и посмел насмеяться над ним!

— А ты идиот, — ответил Дэниел, стирая кровь с лица.

— Я требую сатисфакции!

— О нет, это я требую сатисфакции! — прошипел соперник. — И я ее получу!

— Встретимся на Патч-оф-Грин? — холодно спросил Хью.

— Да, на рассвете!

В пивной воцарилось напряженное молчание. Все ждали, что повздорившие молодые люди одумаются и пожмут друг другу руки, но этого не произошло...

Неожиданно Хью улыбнулся. Собственно, у него не было никаких причин для веселья, и тем не менее его губы сами растянулись в улыбке.

— Да будет так.

— Ты вовсе не обязан, — поморщившись, сказал Чарлз Данвуди, когда закончил осмотр пистолета Хью.

Тот ничего не ответил: голова раскалывалась от боли.

— Я хочу сказать, что верю тебе: Дэниел наверняка мухлевал. А иначе как бы он выиграл? Ведь всегда побеждаешь ты. Не знаю, как тебе это удастся, но все получается...

Хью едва повернул голову, и его взгляд медленно скользнул по лицу Данвуди. Неужели он исподволь обвиняет его в мошенничестве?

— Мне кажется, все дело в математике, — продолжил Данвуди, не обращая внимания на сардониче-

ское выражение лица Хью. — Ты всегда был чертовски умен и хорошо умел считать...

Приятно... Всегда приятно, когда намекают на то, что ты не такой, как все.

— ...и я знаю, что ты никогда не ошибаешься, когда дело касается математики. Мы убедились в этом еще в школе. — Данвуди, нахмурившись, поднял голову. — Скажи, как тебе это удается?

Хью бросил на него холодный взгляд:

— Ты спрашиваешь меня об этом сейчас?

— О нет! Конечно, нет, — поспешно заверил его Данвуди и отошел в сторону.

К ним направлялся Маркус Холройд, скорее всего с намерением остановить дуэль. Хью наблюдал, как сапоги Маркуса мнут влажную траву. Его шаг с левой ноги был несколько шире, чем с правой. Ему потребовалось бы, пожалуй, еще шагов пятнадцать, чтобы добраться до них, или шестнадцать, если бы он в припадке раздражения хотел вторгнуться в их личное пространство.

Но это был Маркус, поэтому он сделал ровно пятнадцать шагов.

Маркус и Данвуди обменялись пистолетами для проверки. Хью стоял рядом с хирургом, которого просто распирало от обилия полезной информации.

— Пуля попала прямо сюда, — рассказывал он какую-то историю, хлопнув себя по верхней части бедра. — Это было на моих глазах. Здесь проходит бедренная артерия, и, если ее задеть, человек истекает кровью, как свинья.

Хью промолчал. Вообще-то он не собирался стрелять в Дэниела. У него было время все хорошо обдумать, и, хотя он все еще пребывал в ярости, причин убивать Уинстеда не видел.

— Но если вы хотите просто причинить противнику сильную боль, — тем временем продолжал

хирург, — стреляйте в руку или в ногу, не ошибетесь! Кости легко ломаются, к тому же в конечностях чертовски много нервных окончаний. При этом важные органы не будут задеты. Вы не убьете противника, но страдать заставите.

Хью умел игнорировать подобные замечания, но в этой ситуации не стерпел:

— Значит, рука не очень важный орган?

Хирург провел кончиком языка по зубам и поцокнул, словно пытался высосать кусочек пищи, застрявший между ними, потом, прожав плечами, заметил:

— Ну это же не сердце.

В словах хирурга была своя правда, и это вызвало у Хью досаду. Он терпеть не мог, когда те, кто его раздражал, говорили что-то дельное. Если бы у эскулапа была хоть капля здравого смысла, он бы давно заткнулся.

— Только не цельтесь в голову, — продолжил вещать хирург, поморщившись. — И дело даже не в том, что это неизбежно приведет к смерти противника. Мозги разлетятся в разные стороны, к тому же простреленное лицо — ужасное зрелище. Хоронить придется в закрытом гробу. Каково это родственникам?

— Кто его привез? Ты? — спросил Маркус.

Хью кивнул в сторону Данвуди:

— Нет, он.

— Я цирюльник, — гордо заявил горе-лекарь, — но владею приемами врачевания.

Маркус покачал головой и вернулся к Дэниелу.

— Приготовьтесь, джентльмены!

Хью так и не понял, кто отдал приказ, — скорее всего, тот, кто узнал о дуэли и хотел похвастаться, что все происходило на его глазах.

— Цельтесь!

Хью поднял руку и прицелился — на три дюйма правее плеча Уинстеда.

— Один!

Боже милостивый, Хью совсем забыл о счете.

— Два!

В груди у него все сжалось. Счет. Крики. Впервые в жизни цифры стали его врагом. Хриплый торжествующий голос отца, и Хью, старавшийся не слушать...

— Три!

Хью вздрогнул и нажал на спусковой крючок.

Воздух разорвал пронзительный вопль.

Хью удивленно посмотрел на противника.

— Черт возьми, ты подстрелил меня! — закричал тот, схватившись за плечо, где на мятой белой рубашке расплывалось кровавое пятно.

Но он целился в сторону! Хью великолепно стрелял и не мог промахнуться с такого расстояния.

— О боже, — пробормотал цирюльник и побежал к раненому.

— Ты подстрелил его, — выдохнул Данвуди. — Зачем?

Хью лишился дара речи. Уинстед ранен, возможно, даже смертельно, и это сделал он, хотя никто его не заставлял.

И тут Дэниел вдруг поднял окровавленную руку, в которой сжимал пистолет, и теперь закричал Хью, почувствовав адскую боль в ноге. Неожиданно ему в голову пришла мысль, что он должен был услышать выстрел прежде, чем почувствовал боль. Именно так! Если сэр Исаак Ньютон был прав, звук распространяется со скоростью 979 футов в секунду. Хью стоял примерно в двадцати ярдах от Дэниела, а это означало, что пуля должна была пролететь...

У него голова пошла кругом.

— Хью! Хью! — раздался отчаянный крик Данвуди. — Хью, что с тобой?

Хью поднял глаза и, увидев над собой расплывающееся лицо Чарлза Данвуди, понял, что лежит на

земле. Пытаясь сфокусировать взгляд, он поморгал. Неужели еще не протрезвел? Накануне вечером Хью прилично напился, причем как до, так и после ссоры с Дэниелом.

Но сейчас он точно не был пьян. В него стреляли. Или, вернее, он думал, что в него стреляли. Ему показалось, что пуля вошла в ногу, хотя Хью было уже не так больно, как в первую секунду. Тем не менее выстрел объяснил бы, почему он лежит на земле.

Хью сглотнул слюну, пытаясь сделать вдох. Почему так трудно дышать, ведь ранен он в ногу? Если в него, конечно, действительно стреляли, в чем Хью не был теперь уверен.

— Боже милостивый! — раздался над ним голос Маркуса Холройда.

Он тяжело дышал, лицо его было пепельно-серым от ужаса.

— Крепко держите ногу! — приказал цирюльник. — Осторожнее с этой костью.

Хью попытался что-то сказать.

— Жгут, — раздался чей-то голос. — Может, наложить жгут?

— Принесите мою сумку! — крикнул эскулап.

Хью опять сделал попытку заговорить.

— Не трать зря силы, — сказал Маркус, взяв его за руку.

— Но и не засыпай! — воскликнул Данвуди. — Не закрывай глаза!

— Бедро, — прохрипел Хью.

— Что?

— Скажи этому... хирургу, — Хью на мгновение замолчал, переводя дыхание, — у меня бедро... кровоточит, как у свиньи.

— О чем это он? — спросил Маркус.

— По-моему... — пролепетал Данвуди, но запнулся: слова словно застряли у него в горле.